

— Что за гость такой, даже музыку слушать не умеет! — Девушка, игравшая на гучжэне, подняла взгляд на Цзянь Чжи. Её прямой, пронзительный взор заставил Цзянь Чжи смущенно отвести глаза в сторону.

Однако, стоило девушке посмотреть на него, как на её губах заиграла улыбка, от которой у Цзянь Чжи на душе стало тепло, словно от весеннего ветерка. Он невольно почувствовал, как всё его внимание приковано к этой прекрасной, словно цветок, деве.

— Цуй Жу, если не возьмешься за ум, пеняй на себя! — негромко прикрикнул слуга, сопровождавший гостя.

Остальных она могла сколько угодно использовать для тренировок в Искусстве Очарования, но перед ней был сам Цзянь-шилан, и она явно не боялась, что хозяин выколлет ей глаза.

— Неужели Третий господин накажет меня из-за него? — Цуй Жу с недовольством покосилась на Цзянь Чжи. — Такой заурядный человек, разве Третий господин станет о нем заботиться?

Даже думать об этом было смешно, как такое возможно! В усадьбе Третьего господина полно несравненных красавиц, на которых он и взглянуть не желает. Даже на императора Наньнина, чья красота способна погубить города, Третий господин смотрел лишь как на партнера в игре. А этот мужчина, в котором нет ровным счетом ничего примечательного, уж точно не сможет привлечь его внимание.

Хотя, нельзя сказать, что он совсем никчемный. По крайней мере, глаза у него красивые. Жаль только, что он не обучен — если бы в нем промелькнула хоть капля томного очарования, он мог бы сойти за редкий экземпляр, а сейчас выглядит слишком пресно.

— Господин, прошу за мной!

Слуга не стал отвечать на вопросы Цуй Жу, а повернулся к Цзянь Чжи и почтительно произнес. Они — доверенные лица Третьего господина, и, конечно же, видели, к кому он привязан по-настоящему. Ради этого человека Третий господин даже перестал интересоваться властью, которую удерживал столько лет. Рано или поздно он явит его миру.

— Благодарю! — На этот раз благодарность Цзянь Чжи прозвучала куда искреннее. Даже при всей его неопытности он понял, что именно музыка девушки заставила его потерять бдительность.

Хоть Шэнь Цинсюань и был негодяем, но слуга, сопровождавший его, оказался человеком совестливым. Из-за самоуправства Цуй Жу Цзянь Чжи ошибочно решил, что это Шэнь Цинсюань специально подослал её, чтобы смутить и поставить в неловкое положение. Хотя он и не знал, кто такая эта Цуй Жу, но смутно догадывался, что её мелодия обладает дурманящим действием. В глазах Цзянь Чжи вина Шэнь Цинсюаня стала еще тяжелее.

Миновав длинную галерею, Цзянь Чжи вслед за слугой вышел к двухэтажному павильону на другом берегу. Здание с загнутыми кверху крышами выглядело величественно, а над входом висела табличка с простыми иероглифами: Кабинет.

Надпись была настолько прямолинейной, что резко контрастировала с изысканным убранством сада. Слуга остановился перед дверью и поклонился:

— Господин, это кабинет Третьего господина. Прошу вас, подождите немного, он скоро будет.

Глядя на непринужденного слугу, Цзянь Чжи кивнул с легкой улыбкой, про себя размышляя: вряд ли это обычный слуга. Проводив его взглядом, он глубоко вздохнул, поправил одежду и, толкнув дверь, медленно вошел внутрь.

В кабинете царил мягкий свет, обстановка была строгой и элегантной. У стен выстроились ряды книжных полок, заставленных древними трактатами. Посреди комнаты стоял массивный стол из красного дерева, на котором были разложены кисти, тушь, бумага и чернильница.

Шэнь Цинсюаня в кабинете не оказалось. Цзянь Чжи посмотрел на книжные полки, которые были значительно выше него самого. У него было мало увлечений, но книги всегда обладали для него непреодолимой силой притяжения. Видя, что в комнате никого нет, он, не раздумывая, уставился на полки. И не зря: от увиденного у него потекли слюнки. Чем выше он смотрел, тем больше завидовал — ему хотелось забрать всё содержимое этой стены себе в поместье.

Цзянь Чжи не удержался и протянул руку, чтобы достать книгу, до которой мог дотянуться. Он был настолько поглощен процессом, что внезапный кашель за спиной заставил его вздрогнуть. Он тут же отдернул руку и отступил на полшага назад.

— Господин Цзянь-шилан, брать без спроса — значит воровать. Это самое настоящее воровство, и как же мы назовем такой поступок? — Шэнь Цинсюань, прислонившись к дверному косяку, улыбался. Увидев, как Цзянь Чжи обернулся с перепуганным лицом, он добавил в голос нотки провокации.

Цзянь Чжи залился краской до корней волос и онемел. Он никак не ожидал, что хозяин книг застанет его врасплох. Ну почему этот несносный Шэнь Цинсюань пришел так быстро? Он-то думал, что тот продержит его в ожидании полдня, а потом явится, делая вид, что был невероятно занят.

Но сейчас... он мог лишь сжать кулаки, чувствуя, как лицо то вспыхивает, то бледнеет. Он не знал, как отвечать Шэнь Цинсюаню. Увидев реакцию Цзянь Чжи, Шэнь Цинсюань слегка приподнял уголки губ, в его взгляде мелькнула нежность. Он, конечно, знал, что Цзянь Чжи вовсе не вор. Он просто решил сыграть на его слабости.

Все эти книги он годами собирал по крупицам для своего Сичжи. Это были те самые труды,

которые Сичжи искал долгие годы. Разве мог он устоять, когда они оказались прямо перед ним?

— Я знаю, что ты не собирался красть мои книги, тебя просто соблазнило их содержание, не так ли? — Шэнь Цинсюань подошел ближе. Он был намного выше Цзянь Чжи, и это расстояние создавало ощущение, будто он заключил его в объятия. Его голос прозвучал удивительно мягко, совсем не так, как обычно.

Цзянь Чжи кивнул, как и ожидал Шэнь Цинсюань. Вероятно, от волнения он не заметил ни двусмысленной близости, ни чрезмерно ласкового тона. Когда неловкость немного улеглась, он поднял взгляд на Шэнь Цинсюаня и наткнулся на недоумение. Он не понимал, почему человек, который вечно с ним враждует, вдруг стал таким снисходительным и даже не ругает его. Он-то думал, что Шэнь Цинсюань не упустит случая посмеяться над ним.

Шэнь Цинсюань, заметив замешательство в глазах Цзянь Чжи, слегка улыбнулся, снял с полки ту самую книгу, которую тот хотел взять, и протянул ему.

— Раз нравится — забирай, это тебе подарок, — сказал он, и в его глазах промелькнула едва уловимая нежность. Он знал, что Цзянь Чжи любит книги больше жизни, и если не отдаст их, тот не сможет уснуть от тоски. Шэнь Цинсюань не мог этого допустить.

Цзянь Чжи машинально взял книгу и лишь потом осознал, что это вовсе не тот тон, в котором они обычно общались.

— Сп... спасибо, Регент, — пробормотал он едва слышно, словно ещё не привык к такой мягкости Шэнь Цинсюаня.

— Что-то еще приглянулось? — Шэнь Цинсюань опустил взгляд на Цзянь Чжи, и в его голосе зазвучала бесконечная нежность.

Цзянь Чжи замер, поднял голову, и его губы случайно коснулись лица Шэнь Цинсюаня, отчего он снова вспыхнул.

— Про... прости! — Цзянь Чжи втянул голову в плечи, боясь взглянуть на него.

Шэнь Цинсюань с беспомощной улыбкой наблюдал за тем, как Цзянь Чжи пытается спрятаться в свою «раковину», и в его глазах читалось глубокое чувство. Видя, что Шэнь Цинсюань молчит, Цзянь Чжи разозлился на самого себя ещё сильнее. Он решил: пусть смеется, не впервой ему позориться перед ним.